

ЧАСТЬ III

*Дискуссия. Мобилизация сексуальных политик
в постсоветском контексте: стратегия «квир»
или стратегия приспособления?*

(Дискуссионный список рассылки ХЦГИ, февраль, 2010 года)

Катя Наумова: Уважаемые, коллеГИ! Данный ролик рекомендуется к просмотру людям

<http://www.queerumir.ru/articles/324/1/Valerij-Sozaev-Olga-Lipovskaja-na-telekanale-100-TV/Page1.html>. С уважением, Катя Наумова

Лариса Бойченко: Спасибо, материал интересный, жаль, что в нашей современной жизни так много мракобесия. В России, например, вводятся церковные суды... Так недалеко и до инквизиции...

Катя Наумова: Да, прав был Адорно, говоря, что после Освенцима культуры больше нет.

Ирина Соломатина: «Культура» в единственном числе уже с конца 80-х гг. начала сдавать позиции множественным, частным, исторически и социально определенным культурам. Эти культуры интерпретируются уже не как способ жизни вообще (т.е. как человеческий способ жизнедеятельности), но как многообразные способы жизни (или проживания – the way of life), имеющие качественную определенность, детерминированную материальными условиями жизни (антропологическое определение культуры как жизненной практики). Культура также определяется и как процесс, в котором происходит общесоциальный процесс обмена значениями, которые являются социальными и культурными конструктами и носят исторически изменчивый, преходящий характер. *Culture is ordinary* – так называлась знаменитая работа Раймонда Уильямса (Williams), радикальным образом изменившая представления западных (и не только) теоретиков о том, что такое культура :)

Ольга Демидова: Спасибо за ссылку, Катя! Передача производит ужасающее впечатление: малопрофессиональные журналисты, агрессивные «специалисты» и вообще агрессия, «витающая в эфире». Очень грустно; тем более грустно, что весьма показательно. И совершенно удручающая НЕГРАМОТНОСТЬ журналистов и специалистов во всем, что касается заявленной к обсуждению

темы. И подтасовки до неприличия очевидные. И звонки в эфир совершенно идиотские – про то, что нет более настоящих мужчин, все какие-то «не такие» по части ориентации. И почему-то ни слова о том, что и с «правильной» ориентацией мужчины теперь очень разные – наверное, не в одной ориентации дело. Словом, такое впечатление, что вернулись лет на двадцать назад, когда отечественный российский (постсоветский) феминизм/гендеризм с таким трудом пробивал себе дорогу. Дикость как сочетание незнания с агрессией – самый тяжелый вариант.

Галина Петриашвили: Так выглядит фашизм в сексуальном вопросе; на место сексуального может быть подставлен любой другой. Респект Липовской! Молодец, Ольга. Удачи всем.

Катя Наумова: Конечно, финальная фраза была феерична: о гомосексуальности говорить не нужно! И, кстати, очень симптоматично, что почти все (за исключением Липовской и Созаева) на слове гомосексуальность – спотыкались... Но мне кажется, вот чем данная передача полезна для гендерной теории: если абстрагироваться от всего шума, воплей, криков, то станет очевидно, что политика передачи (как и любая политика) выстроена на логике ясности и очевидности: «за» или «против». Ты «за» или «против» гей/лесби браков? Но критическая позиция, которую и представляет гендерная теория, состоит в том, чтобы выяснить, почему и как это стало вопросом. Это значит, что в контексте легитимации мы имеем дело с двумя областями: законным и незаконным. Но что обуславливает необходимость переведения незаконного в области законного? И не существует ли сферы вне дихотомии законное/незаконное, поля чистого сопротивления, которое не репрезентировано в политическом пространстве? Думаюется мне, что такое поле существует и продумыванием его должна заниматься гендерная теория. Но вопрос в том: если эта третья сторона исключена из диады законно/незаконно, то есть она невидима в сфере политического, то как можно действовать? И в то же время, как мы вообще можем рассуждать о политике, не принимая во внимание сторону невозможной репрезентации? Если кто-нибудь мне поможет ответить на эти вопросы – буду очень благодарна.

Ольга Липовская: Дорогая Катя! С удовольствием прочла Ваш комментарий и замечательно поставленные вопросы. Мне кажется, частично на них отвечает книга Ив Коссовски Сэдживик *Эпистемология Чулана* (или англоязычный вариант *Epistmology of the Closet*). Вероятно, ее можно найти где-то в Инете в одном из вариантов. Я очень, также, рада, что питерское (наше) гей-сообщество сделало эту видеозапись (которой у меня не было) достоянием широких гендерно мотивированных кругов. Мне кажется, что эта передача на чисто питерском канале делает неплохое дело, даже приглашая кошмарных мракобесов вроде г-на Князькина (с которым я, после эфира про феминизм отказалась категорически участвовать, но необходимость поддержать хорошего человека Валеру Созаева заставила «поступиться принципами»). С уважением и наилучших пожеланий в

раскапывании гендерных завалов. Да, забыла сказать, что неожиданно для себя получила на удивление много поддержки, люди на улице (из старых, забытых мной знакомых) благодарили меня за эту передачу, равно как и Вконтакте, и по другим каналам. То есть кому-то это все-таки было нужно, пусть и в таком «мракобесном» формате, как принято сейчас говорить...

Ирина Соломатина: А мне поставленные вопросы показались «детскими». Простите, если что:). В том смысле, что дети постоянно задают одни и те же вопросы: «почему и как...???»), но в какой-то момент эти вопросы отпадают (у детей), точнее они становятся уже не столь актуальными. По поводу ГИ уже столько всего написано (читать, не перечитать), однако «детские» вопросы продолжают возникать... в нашей части света. Уже пора бы подумать о написании книжки «детские вопросы о «ГИ» в постсоветской повседневности: опыт популярной беседы о гендерной стратегии и тактике».

Дмитрий Воронцов: «Детские» вопросы тоже периодически ставить нужно... Чтобы не отрываться высоко от реальности в полете мысли... Ира, я согласен, что вопрос о том, «как и почему проблема однополых браков стала [сегодня] вопросом», вряд ли актуален для гендерных исследований на современном этапе развития. Именно в смысле актуальности, прописываемой в текстах о результатах научных исследований :) Я вот, испорченный каким-никаким опытом супервизорских групп, предпочел бы все-таки откликнуться на запрос Кати, что и сделала Ольга Липовская. Каждый имеет свой уровень достижений на общем поле, которым можно и поделиться. У нас – подписчиков списка рассылки ХЦГИ – большой разброс в уровнях «знанческой» подготовки, и это принципиальная политика этой рассылки, насколько я понимаю.

Другое дело, что вести в списке учебные консультации не всегда бывает досуг, но этого делать и не обязательно. Мне кажется, Ира, что идея про детские вопросы в ГИ в русскоязычной науке – хорошая. Хотя бы для этого и нужно их собирать :)

Разговор об однополых браках скрывает другую сторону партнерских отношений, не только гомосексуальных, но и гетеросексуальных тоже. Эта сторона связана с сутью брака как такового. И вся эта борьба за лесбигеевские браки находится в полном соответствии с патриархатным дискурсом о семье, фактически поддерживая его и укрепляя. Укрепляя попутно и внутреннюю гомофобию самих геев и лесбиянок, пытающихся казаться гетеросексуальному довлеющему большинству «правильными» и «не хуже». Невидимое в сфере политического, это, конечно, различные вне-брачные формы партнерских, семейных отношений, которые, если поставить их в центр политики, наносят мощный удар по всей патриархатной организации брачно-семейных отношений, а не только лесбигеевских. На мой взгляд, в наших странах вопрос о лесбигеевских браках именно в таком формате и необходим доминирующей идеологии, чтобы укрепиться (вспомните про Год семьи). Это вполне вписывается в концепцию

сохранения «важного социального института». Вот откуда уши и растут у этих передач. Участие в них – это есть произвольная поддержка как раз той самой системы, против которой пытается бороться лесбигеевское сообщество. Как говорится, своими же руками ее поддерживают, участвуя в таких передачах. А кажется, будто борются. Иллюзорное мышление, о котором еще Маркс писал в *Немецкой идеологии*.

Катя Наумова: Ольга! Спасибо Вам большое за передачу! Она, действительно, очень показательна в своем «мракобесии», но и подумать здесь есть о чем. За отсылку к Сэджвик – тоже спасибо, я знакома с этой книгой, и считаю, что, имея в голове определенный вопрос или проблему, можно возвращаться к текстам и по-новому их прочитывать, уже конкретно как частичный ответ на вопрос. Мне кажется, что Батлер об этом очень серьезно думает и пишет, в частности, в книге *Undoing gender*.

Дмитрий, спасибо за столь развернутый ответ! Видимо я не совсем четко умею излагать свои мысли, но проблема «как и почему проблема однополых браков стала [сегодня] вопросом», для меня вопросом не была. Речь шла о том, все проблемы изначально выставлены в политическом пространстве с позиции либо/либо, либо «за», либо «против»...это относительно любых вопросов, не только гомосексуальных...при такой постановке вопроса любое твое «политическое» действие оказывается способом подчинения власти – ты обязательно находишься на чьей-то стороне. Нейтралитет – это выброшенность из дискурса, лишенность прав любого толка.

А мы же все задаемся вопросами о феминизме как действии, например, да и вообще о возможности политического действия сегодня как практик сопротивления, которые на деле оборачиваются практиками подчинения. Батлер в *Undoing gender* пишет: *the never will be, the never was*. Никогда не будешь, потому что никогда не был (узаконен). А то, что легитимированная структура родства (институт брака в том числе) – это продолжение работы социологической и политической нормализации – это понятно. В силу этого и оказывается невозможным отделить проблему родства от отношений собственности, наследства, правообладания, конституирования родословной, что поддерживается расовыми и национальными интересами. Очевидно, что законный союз не разрушает установленных патрилинейных структур родства и не входит в противоречие с проектом объединенных наций, который этот проект поддерживает.

Логика-то по итогу какая: требование признания однополых браков – это требование ужесточения контроля в сфере семьи, отсюда ужесточение контроля переносится в сферу родства, следовательно, становится сложнее спорить о жизнеспособности альтернативных форм родства. И можно ли такой поворот к государству расценивать как смерть/конец радикальной сексуальной культуры? Ситуация, сложившаяся на данный момент, очень четко выявляет озабоченность людей желанием государства.

Ирина Соломатина: Дима, куда там <высоко от реальности в полет> если бы! Приходится на таком приземленном уровне <на пальцах> рассказывать вот этим <плохим>, <малопрофессиональным> журналистам, о том, почему не стоит у женщины депутата спрашивать о любимом рецепте ее семьи, ведь у мужчины депутата никому из них (журналистов) не придет в голову поинтересоваться его собственными кулинарными способностями. А потом на тебя еще смотрят так, как будто ты людям другую реальность показала, потусторонний мир, о существовании которого они и не знали. А про однополые браки вообще разговаривать, особенно с журналистами, сложно, так как в Беларуси, например, существует специфическая политическая ситуация, которую достаточно давно описала А. Усманова, и с тех пор ничего не изменилось:) Она вот тоже Седжвик упонимает:

«Сексуальность и политика в белорусских масс медиа»
(<http://viscult.ehu.lt/article.php?id=305>)

В свое время Ив Кософски Седжвик обратила внимание на симптоматичность <выведения в дискурс> темы гомосексуальности, имея в виду четко прослеживаемую связь гомосексуальности и более широкой темы секретности и рассекречивания, частного и публичного. В данном случае, <компромиссная> метафора вхождения и выхода из чулана описывает положение не только белорусских геев, но так же и представителей белорусской оппозиции. И те, и другие время от времени действительно выходят из своего <чулана>: оппозиция в течение последних лет периодически выходила на так называемые Марши Свободы с тем, чтобы напомнить о своем существовании, а затем вновь исчезала и с первых страниц газет, и с политической сцены. Белорусские геи в 2000 году предприняли попытку выйти на гей-прайд, попытка не удалась – в том смысле, что гей-прайд в последний момент был сорван властями и саботирован (с подачи властей) теми инстанциями, от которых зависела организация семинаров, – однако белорусские секс-меньшинства оказались в эпицентре политических интриг, помимо своей воли и с совершенно незапланированными последствиями. И те, и другие нуждаются в коллективной идентичности, чтобы достичь своих целей, но раз за разом тактика <коллективных действий> терпит неудачу. Наконец, и политическая оппозиция, и гомосексуальное сообщество воспринимаются властью как презираемый Другой. И Субъект политической оппозиции, и Субъект гомосексуального сообщества выстраиваются властью <путем исключения, то есть путем создания области деавторизованных, несанкционированных субъектов, пре-субъектов, фигур презрения, населения, вычеркнутого из поля зрения>. Выяснив, что субъект формируется путем операций исключения, далее не-

обходимо проследить операции такого построения и вычеркивания (что и будет предпринято мною чуть ниже): самое примечательное при этом, что для исключения одного субъекта (оппозиция), власть использует другого (геи) – в результате оба субъекта оказываются еще более <презираемыми> в глазах власти и контролируемого ею через государственные СМИ общественного мнения.

Какой уж тут полет :):):)

Дмитрий Воронцов: Катя, в твоём тексте было много вопросов, я просто отметил тот, на один из которых была направлена общая реплика Иры Соломатиной про детские вопросы. Если же основной вопрос звучит так, как ты его сейчас поставила – любое политическое действие есть неперемное подчинение власти, – то это уже вопрос о различении власти как философского принципа и власти как аспекта системы социальных отношений, одного из измерений этой системы. По моему убеждению, все как раз зависит от того, каково измерение этой власти. То ли это вертикальная власть, то ли референтная или горизонтальная. Подчинить можно себя одной или своей группе. А можно подчинить принципу референтности – взаимозависимости. В первом смысле узаконение – это нормативизация с позиции исключительно интересов стоящего на вершине. Во втором смысле – с позиции общих интересов всех вовлеченных в отношения, поскольку они оказались вовлеченными в них. В первом случае речь идет всегда об эксклюзии (исключении из правил учета интересов) во имя интересов вершинной группы (или групп). Во втором – об инклюзии, вовлечении всех групп в процесс удовлетворения своих интересов. Отсюда разные легитимации и разные легитимизированные структуры родства, разные узаконенные субъекты. Любое подчинение и сопротивление являются нормой вертикально организованной власти. В рамках такой власти любая борьба оказывается способом подчинения, оказывается борьбой за преимущества в ресурсах. Именно в таком формате политическое действие за освобождение превращается в свою противоположность. А если формат власти изменить? Тогда политическая борьба примет другие формы, тогда она не будет оборачиваться собственноручным пилением сука, на котором сидит сам освобождающийся. Без изменения формата (измерения) власти, политическая борьба является иллюзией по своим целям. Поэтому участие в такой борьбе есть как раз укрепление того, с чем борешься. Нужно сначала менять правила борьбы. Тогда та дихотомия, о которой ты вопрошаешь, не превратится в бессмыслицу, или в бессмысленное, противоречивое барахтанье в тенетах власти.

Валерий Созаев: Уважаемые коллеги, очень интересно следить за развернувшейся дискуссией. Катя, спасибо Вам, что явились её инициатором.

В дополнение к письмам Ольги Липовской, моя благодарность которой за участие в программе не знает предела, я хочу немного сказать о своём восприятии всего того, что происходило.

Кто такой Князькин, я знал. Как он ведёт себя, я тоже, в общих чертах, представлял. Однако довольно спокойный тон менеджера программы, которая меня приглашала на программу, способствовал тому, что у меня появилось чувство ложной уверенности, что журналисты не допустят того, чтобы программа превратилась в фарс. Я рассчитывал на дискуссию и готовился к дискуссии. Я не могу сказать, что не привык к гомофобии. Привык и видел достаточно. Однако для меня участие в этой программе оказалось травматичным. Я до сего дня не могу заставить себя пересмотреть её, хотя сделать это нужно. Именно спокойная уверенность Ольги Липовской была для меня тем, за что я держался.

Несмотря ни на что, программа получилась такой, какой получилась. В комментариях в ЖЖ одна девушка написала «Я два года не могла объяснить мужу, зачем нужно защищать права ЛГБТ. После просмотра этой программы он понял». Могу добавить, что муж этой девушки оказался не одиноким: многие и многие люди выражали мне благодарность за данную программу, и за то, что они смогли увидеть часть тех проблем, с которыми сталкиваются представители ЛГБТ-сообщества.

Для меня же опыт участия в данной программе и получения затем обратной связи после неё был полезен не только как для ЛГБТ-активиста, но и как для гендерного исследователя. Если говорить совсем просто, то я увидел на практике работу принципа «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Главный редактор программы рассчитывал на то, что эта программа вызовет волну гомофобии. Однако, к счастью, оказалось довольно много людей, чья реакция была «от противного».

Полемика в программе была, кстати, совсем не вокруг браков. Браки – это одна из проходных тем. Основная полемика была, вернее её пытались навязать, в дискурсе патологизации гомосексуальности. Не случайно Князькин постоянно апеллировал к понятию «социальная болезнь». И именно навязывание подобного дискурса мы с Ольгой стремились преодолеть.

Говоря же о дихотомии «законное/незаконное», то она скорее связана с криминализацией гомосексуальности, которая существовала в России до 1993 года.

Катя, отвечая на Ваш вопрос о возможности выхода за пределы политического дискурса в сфере ЛГБТ, выскажу своё мнение: выход не в политическую (или не политизированную) зону по любым вопросам сексуальности (включая ЛГБТ, где ЛГБТ лишь частный сюжет) – не возможен. Пытаясь снять его политическую составляющую, происходит подмена понятий: можно говорить о сексуальности на языке, например, морали, но мы все слишком хорошо знаем, как и этот дискурс используется в политических играх.

И последнее, Катя, если я Вас правильно понял, то Вы задаётесь вопросом, возможна ли иная логика ответа на вопросы, касающиеся ЛГБТ, кроме логики «за» или «против». Думаю, что логика в данном вопросе навязывается контекстом. Например, когда в США в различных штатах проходят референдумы об

однополых браках, люди вынуждены определиться со своей позицией. Когда же дело касается повседневности, то возможны дополнительные варианты такие как «не против» (надеюсь, понятно, что эта позиция не является синонимом «за») и позиция индифферентности – «всё равно».

И здесь уже добавлю как ЛГБТ-активист: мы внутри активистского сообщества довольно активно дискутируем о том, чего мы хотим от общества. И результатами этих дискуссий стала артикуляция позиции, что мы как раз и хотим, чтобы на повседневном, бытовом уровне граждане были «не против», гражданам было «всё равно», чтобы сексуальная ориентация и гендерная идентичность другого перестала быть чем-то загадочно-непристойно-притягательным, о чём постоянно идут пересуды за спиной, чтобы (гомо)сексуальность воспринималась так же обыденно, как цвет волос или глаз. И при этом на уровне лоббирования законодательства мы, безусловно, работаем, чтоб голоса власть предержащих были «за» равные права ЛГБТ-граждан.

Катя Наумова: Валерий, очень рада, что Вы включились в дискуссию. Действительно, проблема гомосексуального брака присутствовала лишь косвенно в передаче, опять-таки потому, что в силу конъюнктурных интересов был навязан господский дискурс о «патологической гомосексуальности», что стопорит возможную более актуальную перспективу развертывания дискуссии, переводя ее в режим споров и препирательств. Очевидно, что отнесение гомосексуальности к социальной/психической болезни или генетическому «сбою» в очередной раз являет нам гегемонию биологического наукоцентристского дискурса, который в спайке с капитализмом очень хорошо выполняет работу по навешиванию шор на образ мыслей людей, то есть представляет идеологию. Здесь и говорить не о чем ... постановка проблемы гомосексуальности в один ряд с педофилией, проституцией, наркоманией, торговлей людьми, содомией и прочими переводит сам факт существования гомосексуальности в разряд абсолютного зла, который наводит страх на население и, в частности, на подрастающее поколение. Революция как преодоление зашоренности мышления всегда происходит в языке, который творит и поддерживает дискурсивность как таковую. Поэтому пока сама дискурсивная система не будет поломана, никакого диалога не произойдет.

Валерий, по поводу политической сферы (вопроса «за» и «против») ... Я не предлагаю выйти за ее пределы, я предполагаю возможность расширения внутри нее. Но Вы сами говорите, что в вопросе гомосексуальности необходимость определиться оказывается обусловлена контекстом, и вот любого рода «обусловленность» и «необходимость» представляется мне проблемой, которая в корне меняет/аннулирует смысл борьбы. А то, что на уровне повседневности гомосексуальность «мистифицируется», то это результат работы капиталистической машины потребления, где всегда оказывается неприсваиваемый остаток прибавочного наслаждения, и гомосексуальность в этом смысле оказывается местом возможной траты избытка наслаждения, что нарушает либидинальную

капиталистическую экономику (экономию). Так что позиция «мне все равно» очень трудно достижима сейчас, хотя и возможна.

А проблема брака – это лишь частная репрезентация проблемы желания признания в контексте современной социальности, которое почему-то как проблема зачастую не расценивается. Я хочу быть признанным: видимым, идентифицированным, определенным, и точка. А дальше-то что?

Спасибо Вам, Валерий, за передачу, Вы с Ольгой хорошо держались. О проблемах насилия, притеснения, дискриминации нужно говорить, пусть это трудно и не всегда возможно, и в этом смысле Ваша деятельность и является тем самым местом артикуляции, которое необходимо.

Дмитрий Воронцов: Коллеги, а мне вот кажется, что в Катинном посте есть потенциал обсуждения все-таки политического активизма в контексте властных отношений. То, что сделали Валерий и Ольга – это политическое действие, которое совершается с какими-то целями политических акторов. Были ли достигнуты цели в этой передаче? Вопрос – на каком уровне социальной структуры... То, что участие в передаче позволило достичь предполагаемых целей у отдельных зрителей, – так ведь случайные эффекты всегда случаются – по определению. Сейчас в России, по-видимому, складывается такая ситуация, когда бессилие властей становится очевидным для публики: власти начинают совершать иррациональные поступки, подрывающие основу той системы, в которой они только и могут существовать. Они пытаются сформировать впечатление борьбы с «недостатками», а фактически эта борьба разрушает основы дисфункциональной системы отношений. Представить только: снимать с дежурства целыми подразделениями (дорожная милиция, таможня и т.д.). Какой смысл тогда в этих структурах работать, если они по иному не могут удовлетворить жизненные интересы работников? Народ начнет как минимум «филонить», а как максимум – увольняться. И система впадёт в коллапс. Но по-иному (если ничего не изменять коренным образом) уже не получится снять недовольство людей. Так что эффект «мужа, понявшего необходимость защиты прав ЛГБТ» и другие благодарности за передачу вполне могут оказаться эффектом генерализации общего чувства недовольства государственной политикой по типу «и даже здесь врут и давят!» А могут и быть вызваны самим содержанием политического действия Валерия и Ольги. Здесь трудно проследить закономерность.

После Октябрьской революции на волне борьбы с буржуазным правом и гомосексуальность декриминализировали. Но надолго ли? До периода фашистской власти в Германии долго и успешно работали социальные (и научные) институты по инклюзии гомосексуальности в социальную структуру. Стоило изменить систему власти, как мнения людей быстро изменились. Можно и тех политиков вспомнить, кто в 90-е стоял на баррикадах за демократию, а сегодня – на баррикадах против «оранжевой чумы». Вряд ли это феномен «флюгера» – очень простое объяснение. Это вопрос самой перспективности политического

акционизма по защите своих интересов в определенной системе социальной власти. Подчеркиваю – социальной, чтобы отмежеваться от участников, которые во власти еще видят и онтологическую перспективу. Не о том измерении власти пока речь.

Для любого политического действия необходима политическая среда. А вот ее как раз с 2000 года в России планомерно уничтожали. Политическое действие как самостоятельная сила немислимо в «безвоздушном» пространстве. Конечно, политическое пространство в принципе есть, но как пространство для одного мнения, одной группы, одной партии – доминирующей. Это эксклюзивное политическое пространство. И оно работает только на эксклюзив. Поэтому участие в любом политическом действии в таких условиях – это работа на поддержание доминирующей силы, а никак не для защиты своих интересов. Очень показательна фраза Валерия:

«Однако довольно спокойный тон менеджера программы, которая меня приглашала на программу, способствовал тому, что у меня появилось чувство ложной уверенности, что журналисты не допустят того, чтобы программа превратилась в фарс. Я рассчитывал на дискуссию и готовился к дискуссии».

Вот этого как раз в форматах наших шоу-дискуссий нет и в помине! ТВ давно выполняет роль МАШИНЫ ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ. Поэтому, господа, вспомните хотя бы Сержа Московичи. По Московичи, пропаганда – это типичный способ коммуникации вертикальной доминирующей (авторитарной) власти, и способ этот базируется на несовместимости с иной точкой зрения и неразрешимом конфликте с ней (неразрешимом в смысле, что разрешить можно только деструкцией этой точки зрения). Задача любой пропаганды – взять представителя (лучше всего реального!) чужой точки зрения и выставить его/ее исключительно в выгодном для своих интересов свете, подавляя его желание, сказать нечто иное. Я видел это во всех передачах, в которых вы, Валерий и Ольга, участвовали на петербургском ТВ, не только в обсуждаемой сейчас. Так что тут дело не только в проявлении гомофобии участников. Тут как раз важно – как вели себя ведущие, которые этому НЕ ПРОТИВИЛИСЬ, но противились ВАШЕМУ проявлению своей позиции. Это никак не медийная функция журналиста. Это сервильная функция пропагандиста. Именно поэтому наивно полагать, что выход в эфир – это политическая акция. Это что-то другое – симулякр политического действия. Это ПОХОЖЕ на политическое действие, которое было бы таковым в другом формате организации властных отношений в социальной структуре. А в нашем формате – это симулякр. Чтобы он стал политическим действием, нужно сперва совершить изменения властной системы, чтобы возникло политическое пространство не в этактиском понимании, а в понимании открытого гражданского общества. И это – первоочередная цель политического акционизма

на постсоветском пространстве. Без достижения этой цели все остальное, в том числе и политический феминизм, останется симулякром.

Елена Луковицкая: Дима, я не согласна с тобой, что выступление Ольги и Валерия не было политическим действием. Как-то очень пессимистично звучат твои размышления о власти. Все-таки капля камень точит :) Здесь я оптимистка.

Дмитрий Воронцов: Ой, Лена, не оказаться бы тогда в (социальной) роли «шута горохового» или «козла отпущения» (аки «девочки/мальчика для битья»), которого охотно приглашают под видом участия в дискуссии только лишь для того, чтоб подчеркнуть в этом политическом субъекте только те качества, которые изначально определены как «законные» для его проявления, а остальное – дискредитировать. Как известно, в процессе общения (как не просто коммуникации, а и акта ВЗАИМОдействия) субъект может акцентировать в своем проявлении себя преимущественно то, что востребовано партнером по общению. Как говорится, задайтесь вопросом, а кто партнер и по каким правилам он/а с вами взаимодействует в этом формате властных отношений.

Валерий Созаев: Катя, здравствуйте! Не могу с Вами согласиться в оценке капитализма в вопросах дискриминации ЛГБТ. Как известно у капиталиста-гомосексуала намного больше общего с капиталистом-гетеросексуалом, чем гомосексуалом-рабочим. Успех борьбы за гражданские права ЛГБТ-граждан на Западе показывает возможность вполне успешной реализации концепции Прав Человека в либеральном капиталистическом обществе. То же самое показывает и история борьбы женщин за гражданские права. Впрочем, это старая дискуссия между либеральным и радикальным (при этом стоящем на левых позициях) крылом любого движения за гражданские права. Вы совершенно верно обозначаете задачу ЛГБТ-активистов как «расширение внутри системы». Именно этим путём пошли и ЛГБТ, и феминистское движения на Западе. Но я не могу с Вами согласиться, что потребность «определиться с контекстом» «аннулирует» ценность борьбы. Меняет – да. Так ли уж «в корне» – вопрос. Специфика ЛГБТ-движения, что у нас, как движения, нет собственных экономических интересов, и по большому счёту политических – кроме гарантии обеспечения соблюдения равных прав. Таким образом, ЛГБТ-движение становится вне политики (в смысле борьбы за власть и перераспределения материальных ресурсов), но и в политике (в смысле гражданского активизма, волеизъявления потребностей определённой категории граждан). И в этом коренное отличие ЛГБТ-движения, скажем, от женского движения или от движения афро-американцев за гражданские права. Поэтому я бы не стал подходить к анализу подчинённого положения ЛГБТ с тем же самым инструментарием, что и к анализу угнетённого положения расовых, национальных меньшинств, положения женщин или классовой борьбе.

Опять же Вы очень чётко формулируете: «Я хочу быть признанным: видимым, идентифицированным, определенным, и точка». Этот список можно

продолжить: И я хочу гарантий, что мне за мою инаковость, видимость этой инаковости ничего не будет – она не будет тем, по причине чего меня могут дискриминировать, унижать, избивать или убивать. И дальше – ничего. Признание права (при этом под правом я здесь подразумеваю не только формальное признание этого права в законах, но «неформальное» признание этого права в головах людей) на инаковость и гарантия соблюдения этого права – на этом заканчивается работа либерального ЛГБТ-движения. Именно в этом и заключается то самое «расширение системы», о котором Вы говорите. Это то, о чём говорил Мартин Лютер Кинг: «Закон не заставит его меня любить, но закон заставит его задуматься о последствиях, если он соберётся перерезать мне горло». А те, кто будут собираться кому-то из-за чего-то «перерезать горло», увы, будут всегда и в любом обществе. Однако это совершенно не означает, что не нужно работать по изменению сознания. Нужно, и осознавая неизбежность зла в мире, нужно это делать с удвоенной, утроенной силой. И, на мой взгляд, именно образование и должно быть той силой, которая это делает.

Дмитрий, следуя Вашей логике, в современном российском обществе и сама политика является симулякром. И я с этим склонен согласиться. Тогда возникает вопрос о стратегии действий в подобном контексте. Вы пишете о том, что необходимо «совершить изменения властной системы». В современном российском контексте подобное высказывание, кстати, вполне может быть расценено как «пропаганда экстремизма и призыв к изменению конституционного строя» (ведь даже если призывы к референдуму или высказывания Л. Н. Толстого с критикой РПЦ расцениваются российскими судами подобным образом). Поэтому было очень интересно прочесть Ваши размышления именно о стратегии дальнейших действий.

Я же могу рассказать о стратегии ЛГБТ-движения на современном этапе, что бы у всех возникло некое ощущение контекста. Сейчас существует два основных направления: а) радикальное движение гей-прайда во главе с Николаем Алексеевым; движение радикально как по избираемым им методам, так и по нежеланию идти на сотрудничество с властью. Т.е. откровенно оппозиционное направление. б) либеральное движение, возглавляемое Российской ЛГБТ-Сетью (председатель Игорь Кочетков (Петров)); деятельность движения направлена на просвещение и информирование широких слоёв населения и на диалог с существующей властью.

Поскольку российские власти, так или иначе, взаимодействуют с европейскими коллегами в рамках Совета Европы, ПАСЕ и ряда других институций, которые регулярно поднимают перед ними вопросы соблюдения прав ЛГБТ, то они вынуждены искать ответы на их вопросы. При этом ссылки на «разные традиции» сейчас уже не работают, и представители власти вынуждены искать новые ответы.

Наблюдая за всеми этими процессами изнутри ЛГБТ-активизма, могу сказать, что на данный момент у российской власти амбивалентная позиция относительно прав ЛГБТ (мэр Москвы – не в счёт): им, с одной стороны, нужно и перед Европой хорошо выглядеть, но, с другой стороны, и перед российскими традиционалистами (в лице РПЦ). Поэтому на данный момент мы имеем довольно противоречивую картинку: с одной стороны, депутаты позволяют себе довольно гомофобные высказывания, с другой стороны, уполномоченные по правам человека демонстрируют некоторую готовность к диалогу. При этом исполнительная власть пока предпочитает действовать по запретительной схеме из опасения, с одной стороны, радикальных ЛГБТ-активистов, с другой стороны, реакции традиционалистов.

Что же до «машин пропаганды», то и её позиция сейчас амбивалентна: наряду с этой программой в российских СМИ иногда проскакивают вполне ЛГБТ-френдли материалы.

Катя Наумова: Да, Дима, спасибо за поддержку, и здесь, конечно, есть о чем поговорить. Ясно, что власть нас закрепощает, делая субъектами, и мы как бы зажатые в тисках, или вогнаны в рамку, но власть на самом деле слаба и это знает. И любая нормативность как рамка, ограничивающая нас, как вглядывающихся в содержание, которое она обрамляет, оказывается рамкой «разваливающейся», изначально сломанной, не способной удерживать содержание в-себе как единую конструкцию. И понимая это, мы и оказываемся чем-то большим, чем субъекты, проживающие жизнь под гнетом функции признания, мы переходим в режим другой жизненной истории, где ты способен «схватывать» ускользающие смыслы, которые не идентифицированы знанием-властью. Рамка как нормативность в своей сущности «разрешает» и даже существует как уже всегда «прорванная», что и репрезентирует нам, что «сама собой разумеющаяся» реальность поставлена под вопрос. Саморазрушающаяся нормативность держится только на фиктивности функции признания как распознаваемости, идентичности, устойчивости и т.д.

Только мысля себя всегда уже вне рамок лишённого идентичности, определенности, прав, не претендуя и не требуя ни от кого гарантий на жизнь, на то, что смерть не придет внезапно, ты переходишь из режима распознаваемой и понятной жизни в регистр случайной и неустойчивой жизни как утраченной. И вот переключившись из режима обладания (правами, другим, жизнью) в режим утраты, как это не парадоксально, проявляется избыток жизни как структура субъективности. Именно через понятия избыточного субъекта, иллюзии нормативности и силы власти и можно мыслить и феминизм, и действие. Только все дело в том, что нужно радикально изменить свое отношение к жизни, тогда сам образ твоей жизни и будет феминизмом в действии. Такой позиции относительно феминизма придерживается Батлер, я ее полностью поддерживаю. Если у кого-то есть другие предложения, будет очень интересно.

Валерий Созаев: Катя, это всё очень красиво и поэтично. И замечательно для академических штудий. Но к Вам у меня тот же вопрос, что и к Дмитрию: как эти замечательные теоретические выкладки постмодернистской философии могут быть реализованы практически, в политической, например, сфере (включая сферу гражданского активизма)? Какая из этого всего следуют стратегия и тактика?

Катя Наумова: Валерий, спасибо за столько развернутый ответ и артикуляцию позиции Вашей организации. Правда, я не возлагала бы больших надежд на образование, но чем черт не шутит! Понимаете, сам угол осмысления феминизма Батлер не предполагает активизма как отдельно взятого явления. Она, предлагая нам свои теоретические конструкты, раскрывает бессмысленность и ненужность любой борьбы, короче, она буквально предлагает нам изменить самим себе, радикально пересмотреть все стратегии поведения, свойственные «человеку» и вообще понятие «человек» ставит под большой вопрос, и, следовательно, борьбу за права человека рассматривает как пережиток прошлого... Так вот, изменив самим себе, мы изменим и отношения к власти, она перестанет быть для нас проблемой и угрозой, так как наша жизнь не будет ей принадлежать. Просто мне кажется, что вот такие вот академические, как Вы говорите, поэтические штуки, должны заставлять задумываться тех, кто выходит на борьбу. Не власть нужно менять, а себя и свое к ней отношение. И конечно, либерализм и капитализм – это понятия не совместимые, капитализм – тоталитарен, это замкнутая система, в частности, на Западе. Об этом еще Адорно и Хоркхаймер в 1947 году написали; с тех пор, к сожалению, мало что изменилось.

Алла Митрофанова: Всем привет, ваша дискуссия воодушевляет и будит. В ситуации описанной Катей, кажется, политика только начинается. Но это не политика фиктивных сообществ – типа класс, сословие – и она не против пузырей-понятий типа власть капитала. Это не политика, в которой борются между собой атрибуты и предикаты. Появляется политика конкретного, субъект занимает конкретное место своего бытия со своими желаниями. И позволить этой конкретности быть вытесненной или репрессированной – нельзя. Получается, что мы руководствуемся «микро-политиками желания», а не структурной политикой идентифицированных групп и классов. Это ставит в условия конфликта каждого, но и делает каждого политическим. Более того, само желание становится сферой политического самоопределения: я не хочу зависимости своего желания от Другого-структуры и мне не нужно его признание. Если желание хочет признания, то мы уже проиграли. Если желание хочет неизвестно чего и просто быть и заводить нечто, то оно сохраняет свободу и способность быть разным. Попытка Лакана вписать желание в структуру вызвала бунт среди слушателей его семинара (машины желания, тела без органов и, кажется, деятельность сторонников Мелани Кляйн). Остается осмыслить такую политику в сфере политического действия, а не только теоретического резонанства :-)

Игорь Кон: Катя, а с рабовладением, феодализмом и социализмом советского образца либерализм совместим? Какой общественный строй и гендерный порядок существовал в древнем Израиле и отражен в Библии? Насчет того, что капитализм порождает гомофобию. Известно ли кому-нибудь реальное человеческое общество, в котором мальчиков не учили бы, что они не должны быть девочками, и мальчики, которые этому требованию не соответствовали, не считались бы второсортными, условно – гомиками? И что с этим делать?

Катя Наумова: Игорь Семенович, либерализм по сути тот же самый тоталитаризм, который вместе с проектом свободной экономики окончательно закабалили человека, который существует лишь как обладающий собственностью, состоянием, доходом, положением, шансами: маска экономического положения совпадает с сознанием людей. А гомофобия – это как раз феномен «непризнанной» утраты другого, такого же, как я, и убежденность, что я никогда не любил/а и не терял/а его/ее. Такая ампутация чувственности и ведет к насилию в отношении другого. И в связи с этим как раз как маскировка возможного гомосексуального переживания и формируется гипертрофированная мужественность/женственность. В этом смысле тут и учить ничему не надо, на бессознательном уровне все происходит. Люди же, не страдающие ампутацией чувственности, на самом деле страдают от агрессии и неуважения другого. Но, так или иначе, такое поведение связано с господством научной рациональности, способной все просчитать и перевести любые качества в количества. Позитивизм боится гомосексуала как феномена, выпадающего из критериев разумности: гомосексуалом быть не разумно, а значит, и не нужно. Наука исследует такую сексуальность как отклонение (пусть даже и социальное), вот только ведь ясно, что любая сексуальность только через отклонение и конституируется. У влечения нет прямой траектории. Что с этим делать – вопрос открытый...

Игорь Кон: Теперь мне все ясно. И зачем только зловредные либералы развенчали дорогого Иосифа Виссарионовича, разрушили Советский Союз и отменили ст. 121 УК РСФСР? Кому нужны «права человека»? Лишь бы твоя чувственность не была ампутирована...

Алла Митрофанова: Политическое не может действовать из структуры политических отношений, которые всегда неполны и строятся на «ампутации чувственности» или не до конца и ущербно реализованной жизненной возможности. Политические и онтологические структуры изначально ущербны из-за их неполноты. А политические – еще и психопатологичны. Гомофобы теледискуссии отождествляют с «нормой», а свое представление о норме полагают Реальным. У них нигде не наблюдается разрыв, необходимый для субъективации, все в одной плоскости и полное самоотождествление с нормативным набором. Это кажется похожим на шизофрению. Она же гордыня в другом дискурсе, когда «воображаемое Я» и бог приняты за одно. Забавно, что позицию Ольги Липовской и Валерия Сазонова пытались кодировать как истерическую («Что вам еще надо?»)

Понятно, что власть – это структура психического ограничения, производится психическими проблемами индивидов, которые с нею (властью и проблемой) отождествляются. Но именно потому, что психопатология пытается отменить реальное и не заметить другого, наступить на не свою территорию, и нужно лично рассматривать как политическое. Мне больше всего понравилось, что вы психоанализ подводите к политической практике.

Дмитрий Воронцов: Валерий, по поводу моего видения стратегий политического активизма в условиях политического симулякра могу ответить следующее.

Во-первых, политический активизм сегодня должен учитывать появление медиакультуры и феномена медиаментальности. Что это означает: базовым социальным фактом для большинства людей становится эмоциональный образ, а не транслируемая идея. Эпоха рациональности и просвещения – это прошлое современного мира. Можно по-разному к этому относиться. И рассматривать этот постулат, как очередной выверт постмодернистской философии. Но это уже эмпирический факт, с которым Вы наверняка сталкиваетесь в своей преподавательской деятельности. Мир обыденного человека (не интеллектуала, занимающегося соответствующим трудом) визуализируется, слово теряет свою былую функцию организатора жизни. В этих условиях ставка на просвещение людей в отношении гомосексуальности, феминизма и т.п. – это малоэффективная деятельность с точки зрения достижения изменений не на личностном и межличностном уровнях взаимодействия, а на социальном и идеологическом. В этом смысле деятельность прайд-движения, которая имеет в большей мере перформативный характер, чем выступление в теледискуссиях формата пропаганды или инфотеймента, кажется мне более провокативной. Формата пропаганды и инфотеймента нет разве что в дискуссиях на канале Культура, на который очень редко кого из нас приглашают, да и передачи эти – не массовые, а на продвинутую аудиторию рассчитанные. В условиях медиакультуры и медиаментальности провокация власти есть эффективное политическое действие, поскольку направлено на ключевой компонент медиаментальности. Это то, что противостоит репрессивной власти и делает ее репрессивность видимой, ощущаемой, а не понимаемой. Видимость и чувственность сегодня более действенны, чем рациональное понимание. Политическая акция должна быть медиафактом, который не вписывается в существующую систему власти, контрастирует с ней. Ведь эта власть эксклюзивная! Вы можете с ней договариваться. Но этот договор не будет ничего стоить. Вспомните Эрнста Рёма, руководителя нацистских штурмовых отрядов. Лучший друг Гитлера в течение 15 лет, гомосексуал, чьи предпочтения до определенного момента не были так уж и важны. При изменении политического момента близость к эксклюзивной авторитарной власти его не спасла. А в каком-то смысле даже поспособствовала появлению политики холокоста в том развернутом виде, в каком ее у нас на постсоветском пространстве далеко

не все знают. Холокост – это не только евреи, а и коммунисты, гомосексуалы, инвалиды и прочие «элементы», не подпадающие под понятие нормы. Холокост – это практическая реализация идеи «нормального» общества. Поэтому любые попытки нормализации в рамках авторитарной власти – это нонсенс. Концепт суверенной демократии как раз и выполняет буферную функцию во взаимодействии российской власти с европейскими партнерами, на которое Вы уповаете. Как выразился недавно какой-то чиновник из правительства: мы принимаем рекомендации европейских партнеров по совместным усилиям выхода из кризиса, но без этих их экивоков в сторону европейских ценностей, ценности тут ни при чем. Значит, первый компонент стратегии – это провокационные перформансы, которые должны стать публичными. И в этом отношении Алексеев делает больше для изменения ситуации, чем сеть ЛГБТ. На мой взгляд.

Во-вторых, важным элементом авторитарной власти является монополизация источников коммуникации и их контроль. Нужна своя коммуникационная сеть, которая не будет ассоциирована с авторитарной властью. И только там могут быть те дискуссии, распространение идей, которые отражают нашу точку зрения. Это должна быть альтернативная медийная среда с другими правилами игры. Когда она будет существовать, она будет выполнять роль самиздата в советскую эпоху. Наличие иной коммуникации подрывает монополию власти. Ну и что, что эта среда может быть поначалу ограничена узким кругом. Современные средства коммуникации существенно улучшают положение по сравнению с советскими диссидентами.

В-третьих, содержание политического акционизма. История ЛГБТ-движения знает две линии: политика идентичности (акцент на инакости) и политика ассимиляции (мы такие же, как вы). И та, и другая политики ЛГБТ-сообщества проигрышные. Проигрышные в разной мере. Политика идентичности лучше политики ассимиляции. Но в первой есть опасность «зоопарка» различительных категорий, о чем и говорит Алла. Во второй есть опасность утраты отличительности, потому что если гетеросексуальность возводится доминирующей группой в норму, ей приписывается принудительность, то как можно быть такими же, как они? Сексуальность и половой признак не должны быть политическими категориями вообще. А если они ими являются, то без зоопарка – никуда. Поэтому политика единения с гетеросексуалами, поиска общего с ними – это уподобление чужому желанию. В зоопарке хоть свое желание в основе диктатуры лежит. Там диктат группы принадлежности, диктат идентичности. Назвался груздем... Но назвался ведь. Содержание гендерного политического акционизма в идеальном случае сводится к политике индивидуальности, игнорирования политических рамок. Это политика *queer* не как синонима гомосексуальности, а как феномена текучести сексуального желания, отказа от номинации. Растворение сексуальности во множественности индивидуальных форм, противостоящих в принципе понятию нормы, а существующих только

лишь в рамках общечеловеческой системы ценностей. Это как бы генеральная стратегическая цель.

Однако, все эти стратегии возможно реализовать при условии, что ЛГБТ-движение ведет не коллаборационистскую политику, а политику, которую, как Вы, Валерий, подметили, доминирующая власть называет экстремистской. В нацистской Германии, например, это были антифашистские движения Белой розы в Мюнхене или Пираты Эдельвейса в Северном Рейне-Вестфалии, или Дети Свинга во Франкфурте, Гамбурге и Берлине. Причем, последняя группа – в наших условиях самая интересная и адекватная целям гендерного активизма в медиакультуре.

Валерий Созаев: Кроме власти, медиа смотрят, слушают, читают и «простые люди». Простой мониторинг Интернет показывает, что уровень гомофобии в разы подпрыгивает как перед прайдом-Алексеева (когда у них начинается пиар-кампания), так и после него. Основная масса людей не начинает относиться к ЛГБТ лучше благодаря деятельности Алексеева и Ко. Наоборот, кроме языка вражды перед прайдом и после прайда наблюдается рост насилия по отношению к ЛГБТ. Вы правы: в «этом отношении Алексеев делает больше для изменения ситуации», чем ЛГБТ-Сеть.

Так же Вы правы в том, что благодаря Алексееву мнение «простых людей» о ЛГБТ как о фриках укрепляется и утверждается. Безусловно, эта та самая провокативность и перформативность, иными словами то «зрелище», которое так любит толпа в «обществе спектакля», да и не только в нём. Какую цель преследует Алексеев своими гей-прайдами? Показать «какая плохая власть» или провести акцию? Если провести акцию, то у него как-то это не очень хорошо получается: 4 года, а участников всё не более 30 человек. Это безусловно больший вклад в изменение ситуации, чем наш День молчания, в котором всего на второй год приняло свыше 100 человек (в отличие от первого года, когда в нём принимало участие 25 человек) и Радужный флешмоб, который прошёл по всему миру (!) 17 мая 2009 г., при этом в более чем в 30 (!) городах России и в котором в Петербурге приняло участие около 250 (!) человек, которые прошли по Невскому проспекту от Пушкинской улицы до Стрелки Васильевского Острова. Если же цель Алексеева показать «какая плохая власть», то Вы безусловно правы: неизменно все 4 года милиция Москвы и окрестности звереет, в город стягиваются дополнительные силы, самого Алексеева задерживают и шьют ему административку. У нас таких успехов нет – ни на одной акции ни одного задержанного.

«Нужна своя коммуникационная сеть, которая не будет ассоциирована с авторитарной властью». Как-то странно, но мне все 4 года казалось, что именно над этой коммуникационной сетью и работает ЛГБТ-сеть. ЛГБТ-сообщество в России в зачаточном состоянии, ЛГБТ-движение – развивается медленно, но верно. Сеть сейчас – это свыше 100 активистов в более чем 13 регионах России – успехи скромные (по меркам России), но всё же...

Политика *queer* как текучести сексуального желания – не политична в политическом смысле (извините за тавтологию). Почему основная масса ЛГБТ-активистов критически относится к квир-теории? Именно по этой причине – она аполитична, она всё сводит исключительно до уровня индивидуального перформативного поведения, это некий солипсизм в действии. Он замечателен в контексте индивидуального взаимодействия между субъектами, но он совершенно не операционен в широком политическом контексте власти.

Дмитрий, можно конечно, вести «не коллаборационистскую политику, а политику, которую...доминирующая власть называет экстремистской», но это прямой путь к ещё большей маргинализации. К той маргинализации, в которой сейчас находится российская оппозиция. При этом толку от существования этой оппозиции – никакого. «Обычные люди» не понимают, чего хочет оппозиция, чего хотят эти «несогласные». Почему-то мне кажется, что толку в деятельности тех организаций, которые перечислили Вы, в нацистской Германии было не больше, чем от наших «несогласных». Ещё раз благодарю Вас за столь обширный ответ. Вы действительно заставили меня задуматься над некоторыми важными методологическими основаниями гендерного активизма.

Дмитрий Воронцов: Гей-прайд не имеет цели улучшения отношения населения к геям. Это политическая акция привлечения внимания к существованию политически невидимых и дискриминированных. Поэтому было бы даже удивительно, если эта акция способствовала бы росту толерантности. Акция как раз и предполагает, что для ее проведения власть должна обеспечивать толерантность. И если она этого не делает, тем самым демонстрирует ее истинное лицо, которое легко может быть спрятано под маской в процессе диалога, который ведет ЛГБТ-сеть. Изменить систему авторитарных властных отношений изнутри нельзя. По крайней мере, если стоять на позициях системной социальной концепции. Любое включение в имеющуюся систему выстраивает включенные элементы по имеющимся принципам. Для того, чтобы элементы могли изменять систему изнутри, сама система должна иметь адекватные коммуникационные и нормативные механизмы. Именно поэтому деятельность Алексева делает больше для изменения ситуации: эта деятельность НАРУШАЕТ работу дисфункциональной системы власти, демонстрируя ограниченность ее правил и ущербность характера коммуникации в системе. Любое критическое событие срывает маски и показывает истинное лицо власти. Показывает, что с этой властью нельзя на самом деле договориться. Если продолжать аналогии с историческими событиями, то деятельность ЛГБТ-сети напоминает действия западных лидеров периода Мюнхенского сговора: главное – договориться и умиротворить опасную силу, пойдя на компромисс. Вопрос такой же, как и в случае выбора – идти или не идти на телепередачу: кто ваш партнер? Именно ответ на этот вопрос должен определять выбор компромисса или «экстремизма» по отношению к этому партнеру. Поэтому ответ понятен был и из моего

предыдущего поста: гей-прайд – это не проведение акции по типу первомайской демонстрации единения партии и трудящихся. Это демонстрация характера действующей власти.

Мнение простых людей утверждается не гей-прайдом, а ресурсом влияния. Если ресурс у авторитарной власти, то гей-прайд, феминистская акция, да и любая другая несистемная акция будут неизбежно истолкованы в рамках властного дискурса. Вот гей-прайд и раскрывает истинное лицо дискурса власти, с которой вы договариваетесь. Президент очень красиво говорит правильные вещи, однако, даже простой анализ его текстов студентами-регионоведами в рамках курсовых работ вскрывает жуткие нестыковки как внутри логики (правильные вещи правильны сами по себе, но не все вместе), так и в практических действиях. После чего сама преподаватель (никто на нее не давит, это внутренний цензор) принимает решение: нет, лучше этот дискурс не анализировать научными методами, пусть лучше красиво звучит – все слышат то, что хотят. Ведь мы включены в систему репрессивной власти. Чтобы этот дискурс анализировать, нужно из этой системы выйти. Следовательно, перфомативность и провокативность гей-прайда всего лишь срывает покров внешне дружественного отношения власти (типа будете хорошими, мы с вами договоримся) с ее реальным отношением к ЛГБТ. Народ всегда и везде разный. На 11-м Европейском психологическом конгрессе в июле прошлого года целая секция была посвящена проблеме измерения скрытого агрессивного отношения к ЛГБТ в Дании, Швеции, Норвегии со стороны «простых людей». В частной беседе следователь-гей из полицейского участка г. Осло жаловался на то, что в частных отношениях у его коллег гомофобия только растет, толерантность возникает только в присутствии власти и только если проблема, с которой обращается гей-потерпевший в полицию, приобретает публичный характер. Власть не дает проявляться одним качествам и поощряет другие. Власть публична. И это не прайды Алексева укрепляют и утверждают мнение простых людей о ЛГБТ как о фриках, а власть. Только она это делает скрыто от вас. Публично заявляя, что она совершенно не против ЛГБТ. Вот, смотрите, и сеть есть, и клубы худо-бедно работают. И даже в День молчания с ростовских столбов на центральной улице в течение нескольких часов дворники не снимали листовки ЛГБТ-сети. И даже какой-то заштатный местный канал показал одну из них в новостях. И то потому, что в его штате работали представители ЛГБТ. На «властном» канале местного отделения ВГТРК геев не меньше. Но канал эту акцию успешно проигнорировал. Властный статус не тот.

Я и не утверждаю, что все конкретные акции ЛГБТ-сети – симулякр. Отнюдь нет. Речь о том, что в определенных стратегиях эти политические акции имеют в большей мере эффект поддержания той власти, которая ЛГБТ и репрессировывает. А не тот, на который рассчитывает ЛГБТ-сеть. Власть в большей мере рассматривает их как возню в песочнице. Надоест – песочницу прикроем. Я в этом смысле про Э. Рёма говорил в своем посте. Когда я писал про свою

коммуникационную сеть, то ключевым тезисом было – отсутствие ассоциации с авторитарной властью по содержанию транслируемой информации. Это создание своих интерпретаций перформансов и провокаций, придание этим провокативным акциям статуса публичности. Не нравится, как простой народ воспринимает акции Алексева? Значит нужно создать информационное пространство, в котором будет иная версия происходящего, а не публичное проявление внутренней гомофобии представителями ЛГБТ через сетования, что его действия нас позорят в глазах «нормальных» людей. Значит, те, кто сознательно не вписывается в формат «нормальности» с гетеросексуальной точки зрения, – это не наши люди тоже, не «хорошие» и «пушистые» ЛГБТ, похожие на натуралов и отличающиеся только полом сексуального объекта, а «выродки», позорящие «хорошее» ЛГБТ? Отличная коммуникационная сеть, не ассоциированная с авторитарной властью! Да еще с душком внутренней гомофобии у ее представителей. А хождение ЛГБТ в народ с просветительскими целями. Просвещение осталось в историческом прошлом.

В заключение – про маргинальность оппозиции. В условиях авторитарной власти переход оппозиции в маргинальный статус – это единственный способ сохранить свои интересы и себя в целом. Толк в деятельности Белой розы, Пиратов Эдельвейса (их вообще долгое время не признавали движением антифашистов, а считали уличными хулиганами), Свинг Югенда (Дети Свинга) не в том, что они подняли народ на борьбу. А в том, что они создавали в политически монолитном обществе напряженное состояние, расшатывали его, пытались не подстроиться, а показать, что в этом обществе для определенных людей и взглядов однозначно нет места. И при изменении политической ситуации эти группы выступают еще и как оправдание: были те, кто с этой властью не имел общего. И теперь в студенческом городке Мюнхенского университета улицы названы именами участников движения, одна из площадей города названа именем профессора-лидера этого движения. А вот М. Хайдеггера, который согласился возглавить философский факультет при режиме Гитлера, объясняя, что нужно же было кому-то из приличных людей сохранить философское образование в нацистской Германии, до сих пор в социальном смысле воспринимают очень неоднозначно, хотя признают, что философ великий...

Алла Митрофанова: Эти две цитаты (спасибо их авторам) помогают мне держать проблемное поле.

Цитата из Димы Воронцова:

Если ресурс у авторитарной власти, то гей-прайд, феминистская акция, да и любая другая несистемная акция будут неизбежно истолкованы в рамках властного дискурса. Вот гей-прайд и раскрывает истинное лицо дискурса власти, с которой вы договариваетесь.

Из Елены Гаповой:

В этой ситуации, кстати, не только гомосексуальность – гендерное неравенство артикулировать невозможно. Невозможно бороться за какую-то другую справедливость при активном формировании классовой, потому что получается «отвлечение угнетенных от революционной борьбы» ... Это риторически был сначала пол, потом класс. А сейчас без класса что-то делать с полом не получится.

У власти есть как-то устроенный ресурс и этот ресурс не позволяет возникать новым ситуациям, он их вытесняет. Новое возникает как радикально другое, чему нет привычных объяснений и что нельзя «просто» запустить в автоматизированную (экранированную) психическую реальность. Есть еще автоматизм левого объяснения (депрессивного) – «мы угнетены ИМИ и будем бороться». В этой модальности устанавливается ОНИ как абстрактное генерализованное зло, мы – как жертвы и борьба – как захват ИХ сферы. Желание, которое производит «мы», целиком делегировано ОНИ. Это депрессивная ампутация (коммунистической?) чувственности. Мы есть, только потому, что есть ОНИ, субъект распознает и устанавливает себя только в структуре Другого.

Из опыта 68 года предлагается что-то более сложное: попытка вставить факт (вне интерпретации) в политическое поле как открытую проблему. Чтобы его принять, надо затормозить сцепленные вагончики понятий (сцеплены психическими ограничениями и упрощенной формальной логикой). Психические ограничители лежат на страхе, который не может допустить другое, оно воображает его как угрозу (узурпация, инцест, каннибализм). У такого воображения есть свои культурные и личные основания (психика), их можно обсуждать, если хватает пороку. У своих вытеснений психика становится «бомбой».

Но и мышление ограничительно, если нам удалось выработать и связать несколько понятий, то мы хотим их надевать на любой факт. Бесконтрольный автоматизм мышления не дает нам заметить что-то неожиданное. Можно разве что отводить эти агрессивные интерпретации, которые меня вписывают в не мою реальность и настаивать на факте собственного существования. Но новая фактичность (этническая, групповая, половая, культурная или личная) нуждается в своем самоопределении через различие от имеющегося и через поиск своих метафор-концептов и этики.

Чем проще и «улетнее» политическая артикуляция (столкновение абстракций), тем больше хочется дать в морду и определить врага, надо же бреду компенсировать себя и выдавать за реальное. Сталкиваясь с действительным различием, мы встречаем сложность такой интенсивности, что нам уже необходимы друзья и соратники. Для левых последнее, увы, мелкобуржуазно. В нашей питерской ситуации тут замкнутый круг-карусель. Единственный плюс – постоянное раздражение на «левое желание».

Валерий Созаев: Дмитрий, Вы правы: цель гей-прайда – привлечение внимания к проблеме. Но в контексте Вашей логики я не понимаю: чье внимание

должно быть привлечено? Самой власти? Да она и так знает. Населения? И они знают и считают, что так и надо. И репрезентация ЛГБТ на прайде подтверждает их мнение. Получается, что цель этой акции в подобном формате нивелируется. Второй вопрос: кому демонстрируется «истинное лицо» (репрессивное, как я полагаю?) власти? ЛГБТ-сообществу? Оно и так это знает. Населению? И оно знает. Самой власти? – Зачем? Мировому сообществу? – И оно знает. Получается, и вторая цель (показать какая власть плохая) тоже становится бессмысленной. Вы пишете, что изменить систему авторитарных властных отношений, находясь внутри этой системы – нельзя. Но разве живя в этой стране, работая здесь, платя здесь налоги – это не находиться внутри этой системы? Только глубоко маргинальные индивиды, живущие на территории РФ в глубоких лесах, оказываются вне этой властной системы. А так любой человек с гражданством РФ оказывается внутри системы. И даже бомж, если он находится в городе, а тоже не ушёл в леса оказывается внутри этой системы. Тем более, внутри этой системы оказывается преподаватель государственного вуза, выполняющий госзаказ. Таким образом, получается, что любая деятельность, любых активистов находящихся внутри авторитарной системы – бессмысленна и это относится и к упоминаемым Вами антифашистским группам в фашистской Германии. Следуя Вашей логике, своей борьбой они поддерживали существующую репрессивную властную систему. Поэтому и деятельность московского гей-прайда и прочих «маршей несогласных» вовсе ничего не нарушает, а поддерживает уже существующий репрессивный механизм, позволяя ему функционировать по собственной репрессивной логике.

Таким образом, мы вновь приходим к вопросу о целях ЛГБТ-активизма: разве она не в установлении равных прав для ЛГБТ и деконструкции стереотипов, а в свержении власти?

Поэтому вопрос остаётся: демонстрация характера действующей власти кому, зачем и в чьих интересах? В части про интерес, я склонен ответить так: в интересах самой действующей власти...

По поводу «ресурса влияния» и «простых людей» это Вы верно заметили. И происходит действительно то, что Вы пишете: гей-парад истолковывается в рамках властного дискурса. И никак иначе. Вернее как-то иначе он истолковывается, но это происходит в маргинализованных кругах оппозиции, которая не может договориться и внутри самой себя. Ваш пример со студентами-регионоведами и высказываниями Президента, только подтверждает мои слова: каждый человек, находящийся внутри этой страны вписан в действующий властный дискурс. И мы с Вами, обсуждая сейчас всё это, тоже. И перформанс, и провокация гей-парада тоже. Вы правы: «власть не даёт проявиться одним качествам и укрепляет другие». Какие качества власть укрепляет у всех акторов так или иначе вовлечённых в дискурс о гей-параде, и в чьих интересах она эти качества укрепляет? И какие качества власть репрезентирует так или иначе вовлечённых в дискурс о гей-параде и в чьих интересах она эти качества репрезентирует?

Не в том ли качестве рассматривается властью и гей-парад? Не так ли легко власти прикрыть «возню в песочнице» гей-парад, как и в «песочнице» ЛГБТ-сети? И если она 5й год эту возню не прикрыла, то почему и в чьих интересах?

Занимаются ли сами инициаторы московского гей-прайда построением коммуникационной сети, в которой создавались бы «свои интерпретации перформансов и провокаций» и если не делают, то почему и в чьих интересах они этого не делают? Ведь проведение самой акции – это совсем далеко не всё, как Вы же справедливо и отметили. Пятый год разворачивается дискурс о московском прайде и за эти пять лет принципиально ничего не изменилось. А возможно ли создание принципиально иной коммуникационной среды, оторванной от дискурса действующей власти, если все мы и так в этот дискурс вписаны? Не будет ли эта коммуникационная сеть всего-навсего только «ассоциирована» не с авторитарной властью? Иными словами, не есть ли создание такой коммуникационной сети симулякр независимости и свободы от власти, а на деле же очередное проговаривание в интересах самой этой власти?

В условиях авторитарной власти не является ли переход оппозиции в маргинальный статус средством поддержания этой авторитарной власти и её логики? Не есть ли маргинальность оппозиции симулякр сохранности «своих интересов и себя в целом»? Не есть попытка «расшатывания» оппозицией авторитарной власти по сути поддержание её? Ведь репрессивной власти необходимо продемонстрировать свою репрессивность и делать это на привлекающей к себе её внимание оппозиции очень удобно. Если же говорить об индивидуальном чувстве после изменения политической ситуации, мол «мы были не согласными», то да, оно имеет право быть, себя пестовать и гордиться им, но какое это имеет отношение к гражданскому активизму и политической борьбе?

Коллеги, раз уж речь зашла об активизме, то нет ли в нашей дискуссии глубинной проблемы? Вначале провозглашается ненужность борьбы, поскольку власть не должна больше нами рассматриваться как проблема и угроза, а затем провозглашается тотальность этой власти и её репрессивных механизмов и, по сути, невозможность эту систему (изнутри) изменить. Может быть, действительно политическая борьба лишена смысла и активистам следует заняться искусством по примеру Уорхола и Тимура Новикова?

Алла Митрофанова: Валерий, Вы не даёте нам лениться, за это спасибо, но ещё это вызывает злобу у моего ленивого бессознательного. Так что получите ответ!

Основное размежевание проходит по линии внутреннего конфликта, который преследует мышление с самых его истоков и в котором производство понятий (логико-проблемный опыт) всегда противопоставляется естественной склонности подгонять опыт под априорные формы (это пересказанный Делез).

1) Априорные формы:

Если власть не поддерживается индивидуумами, то её и нет. Она генерализуется нашей воспаленной фантазией как идея (насилия), универсальный и

вездесущий механизм преследования и пр. Суть этого патологического процесса в ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ или подгонке разного под ограниченный набор абстрактных форм, которые уже ни к чему не относятся и мы теряем реальное. И в этом повинен симптом, наш психический аппарат, который из бессознательного можно вывести в диалоговый (сам с собою) рабочий режим. Отсюда и цель: научить себя не воспроизводить эту власть или не участвовать в этом симулякре: успевать блокировать у себя поток властных означающих, не присоединяться к симптому другого ни по телевизору, ни в активизме.

2) Производство:

Политика – не генерализованный фантазм, а реальное действие или отношение между людьми. Это механизм, в который запрещено вписывать смысловое содержание (?) – цепляющиеся друг за друга означающие (сцепленные вагончики автономных смыслов). Поэтому нет ничего терапевтичнее, чем пустить под откос или столкнуть друг с другом пару поездов с обезумевшими означающими и при этом самим удержаться на обочине своего собственного места по производству смысла. Это, на мой подслеповатый взгляд, и есть место реальной (медленной) политики: я мучительно, в сражении со своим мышлением, произвожу свой смысл и потом корректирую его косность и малоподвижность. Я все время в работе на своей звероферме (со своим симптомом). Но именно это делает меня политическим субъектом и обеспечивает свободу под мою ответственность. Только из этой работы я могу переустраивать отношения с другими политическими субъектами. Мотивация этой практики – постоянное переписывание того, что мы считаем реальностью (опять *Aufhebung*). Это движение от большого безумия к меньшему, от другого, который мной целиком придуман, к другому, которому я все же ухитрилась дать право на участие в диалоге со мной, пробив дырку в собственном психическом воспроизводстве.

В примере Димы Воронцова про гендеристку, отказавшуюся разбирать президентский непоследовательный либерализм, произошел отказ от политического действия (производства смысла), но под видом критики политического как фантазма власти. Это добровольная сдача своего конкретного места чужому симптому. После этого субъективность начинает перестраиваться на рельсы уже этого симптома, который будет навязывать страхи, бегство, снобизм. И тут, как описала Елена Гапова, гендеристки и гендеристы начинают работать менеджерами либерализма: создавать клетки, классификации...

Дмитрий Воронцов: Мы в дискуссии с Вами, Валерий, как раз и пытаемся проговорить мнение о том, что понятие политического на уровне сегодняшнего осмысления проблемы приобретает другое значение, соответственно, изменяется понимание политического активизма. Внутри прежнего дискурса выхода, как Вы и говорите, из тупика власти нет. Так что я могу подтвердить Ваш вывод в конце одного из последних постов: политический активизм в прежнем, классическом, смысле действительно лишен смысла, и эта ситуация как раз уже подвергнута

осмыслению (Катя и Алла про это переосмысление много написали). Гендерное движение, основывающееся на критической теории, как раз ближе всего к понимаю политического активизма именно в понятиях артвизма (Уорхол, Новиков и многие др.). Именно эта тактика отвечает современным тенденциям формирования нового типа культуры – медиакультуры (в антропологическом понимании), формирующей новый тип ментальности – медиаментальность. Наша политическая власть обладает ментальностью (и соответственно, действует), которую покойный Ю.А. Жданов назвал в одной из своих последних лекций перед смертью даже не ретроградной, а дремучей – настолько она не соответствует современным социокультурным тенденциям развития. Так что это не просто авторитарная власть, а дремучая авторитарная власть. Взаимодействие с ней заставляет мыслить и действовать в традиционных формах. Которые как раз и подверглись критике. Выход за рамки такого взаимодействия политических субъектов потребует формирования нового типа власти. И без такого выхода мы так и будем биться в противоречиях, заданных прежним властным дискурсом.

А теперь о бэкграунде моей логики, поскольку Вы правы – без этого основания логика будет непонятной. В основе логики лежит понятие медиакультуры – культуры, фрейм которой теперь задается современной (con-temporary, а не modern) технологией социального взаимодействия. Социальные представления о реальности сегодня производятся преимущественно не в общении индивидов и групп, а машиной информационного производства. Это производство приобретает доминирующее значение наряду со всеми остальными. Концепция просвещения этого не учитывает. Прежние способы формирования представлений (в до-пост-индустриальном мире) были рационалистическими, в их основе лежало письменное мышление (логически-абстрактное). Современные технологии социального общения возвращают нас в состояние дописьменного общения, которое принципиально нерационализируемо. Этот факт и породил критику рациональности, которую излагает в своих постах Алла Митрофанова. Мы можем теперь сравнивать и видеть недостатки рационального миропонимания. Письменность оказалась промежуточным этапом культурного развития. До-письменная культура основывалась на личном общении, медиакультура – на дистантном, опосредованном (компьютером, СМИ и т.п.), в котором к тому же текст не является основной знаковой системой. Это аудиовизуальное общение. Ментальность – это культурно опосредованная психика. Значит, люди в медиакультуре начинают думать в рамках плохо рационализированной реальности. И именно это открывает им понимание ограниченности прежнего рационального миропонимания. Если продолжать разговаривать с ними языком эпохи просвещения, они перестанут нас понимать до конца, они будут думать, как мы им говорим, но действовать они будут, как чувствуют, и мы не будем видеть последствий нашего просвещения. Именно эта проблема, возникшая на основе медиаментальности, обсуждалась на 11-м Европейском конгрессе – надо изучать

и влиять на ментальное отношение (понятие, введенное еще Полем Рикёром). Для медиаментальности важным становится способ передачи информации, а не сама информация. Фактом станет только то, что было передано определенным образом, плохо рационализируемым, но откладывающимся в подсознании. Надежда на сознание и просвещенность как раз и играет злую шутку: мы думаем, что люди будут вести себя так, как они говорят, а на самом деле – как чувствуют. Именно отсюда в современной европейской социальной психологии такой интерес к исследованию внутренних смыслообразных ассоциаций, о котором в отечественной социальной психологии мало кто знает. Поэтому когда я говорю о медиакультуре, я не имею в виду власть СМИ или отношения власти и СМИ, или народа и СМИ. Это новый стиль жизни и мышления людей. И он открывает для гендерного активизма новые возможности. Прайд-движение интуитивно, совсем даже неосознанно (отсюда и проблемы) движется в нужном направлении. Это движение отвечает современным тенденциям социокультурного развития, и его нужно только направить в нужное русло, использовать НАРЯДУ с тем, что делает сеть ЛГБТ, причем, изменить и акценты – активизм должен быть на первом месте, а все остальное – вспомогательная активность, тоже важная. Поскольку речь идет всего лишь о структурном изменении в соподчинении элементов.

А деятельность всех антифашистских групп, о которых я упоминал, как раз вписывается в новый формат понимания власти и способов борьбы с ней. В прежнем формате понимания их деятельность рационально не обоснована. Но мне кажется, что они сделали очень много именно для того, чтобы в современной Германии был иммунитет против властной модели, предложенной НСДАП. А саму модель они, конечно, не могли изменить. Для системных изменений нужен толчок извне, нужен внешний агент.

Ирина Жеребкина: А почему бы не предположить, что тотальная политическая мобилизация уже происходит? Но не в специальных пространствах активизма или искусства, понятого к тому же как творчество, активизм и т.п., а в повседневных привычных бытовых практиках? Попробуйте лишить кого-нибудь из «нас» хоть одного штришка привычной повседневности – например, оторвать от экрана телевизора или научной работы, кстати, искусства, интернета, вегетарианства или наркомании, любви или ненависти, спорта или алкоголизма, дома или бездомности. И какой сразу революционный потенциал «мы» в себе ощутим! Может, самые политические субъекты сегодня – это, скорее, носители императивов счастья, а вовсе не те, кого когда-то называли «угнетенными»? Кстати, я отнюдь не шучу. Просто мы тут много говорим про то, что нужно пробовать мыслить иначе...